

Колер Йозеф

**Шекспир с точки зрения
права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4

Йозеф К.

Шекспир с точки зрения права / Колер Йозеф – М.: Книга по Требованию, 2023. – 199 с.

ISBN 978-5-519-89794-5

ISBN 978-5-519-89794-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно уже намѣревался заняться изложеніемъ мыслей Шекспира, имѣющихъ отношеніе къ юриспруденціи. Продолжительное изученіе его твореній, какъ съ эстетической, такъ и съ юридической точекъ зрѣнія, обнаружило мнѣ обиліе и глубину юридическихъ мыслей, таившихся въ умѣ этого генія, который сумѣлъ проникнуть также вѣрно и глубоко въ сокровеннѣйшіе уголки исторіи права, какъ и во всѣ другія области челоуѣческаго духа. Въ особенности казался мнѣ заслуживающимъ юридическаго анализа образъ Шейлока, о которомъ въ послѣднее время такъ много говорилось подъ вліяніемъ интересныхъ, но невѣрныхъ толкованій *Леринга*.

Я поставилъ себѣ задачей изложить научнымъ языкомъ юридическія мысли, облеченныя великимъ драматургомъ въ поэтическую форму, и освѣтить ихъ общеисторическое значеніе. Я не занимался поэтому отыскиваніемъ у Шекспира источниковъ для спеціальной исторіи права его времени, не старался также, на основаніи юридическихъ терминовъ, образовъ и сравненій, встрѣчающихся въ его произведеніяхъ, рѣшить

вопросъ о его отношеніяхъ къ лицамъ судейскаго сословія и выяснить, насколько справедливо предположеніе, что Шекспиръ одно время состоялъ въ корпораціи адвокатовъ. Моя работа имѣетъ, вслѣдствіе этого, мало точекъ соприкосновенія съ произведеніями *Campbell'a*: «Schakespeare's legal acquirements» (London, 1859) и Rhuston'a: «Schakespeare alawyer» (London и Liverpool, 1858), занимавшихся главнымъ образомъ біографическимъ вопросомъ о ходѣ развитія поэта. Я старался разработать представившіеся мнѣ вопросы съ точки зрѣнія общенсторической эволюціи права, и въ этомъ отношеніи особенно интересный матеріалъ для изслѣдованій представляютъ «Венеціанскій купецъ»—драма долговаго права и «Гамлетъ»—драма кровавой мести. Сложность всякаго универсально-историческаго изслѣдованія, обиліе матеріала, подлежащаго разработкѣ, многосторонность эволюціоннаго процесса—все это представляетъ несомнѣнныя затрудненія, которыя однако въ состояніи еще болѣе возвысить интересъ работы.

Во многихъ мѣстахъ мнѣ приходилось прибѣгать для своихъ изслѣдованій къ художественному анализу, что объясняется свойствомъ матеріала. Художественный анализъ оказался въ особенности необходимымъ при изслѣдованіи вѣчной проблемы, названіе которой—«Гамлетъ», при стремленіи освѣтить этотъ сфинксъ съ его глубокомысленными загадками и его глубокимъ, полнымъ меланхоліи, міросозерцаніемъ, которое останется вѣчной тайной чело-вѣческаго духа...

Я имѣлъ въ виду двоякую цѣль: я хотѣлъ сдѣлать вкладъ въ общую исторію права и вмѣстѣ съ тѣмъ хо-

тѣлъ способствовать пониманію величайшаго поэта и его твореній. Пусть читатель судить, насколько мнѣ это удалось. Я могу только увѣрить, что я занимался этой работой съ живѣйшимъ воодушевленіемъ—за право и за его величайшаго поэта.

Вюрцбургъ.

І. Нолеръ.

ВВЕДЕНИЕ.

Произведенія величайшаго драматурга всѣхъ временъ давно уже стали предметомъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ изслѣдованій. Почти сверхчеловѣческій даръ наблюдательности великаго британскаго генія, отъ котораго не ускользнуло ни одно сколько нибудь значительное явленіе общественной и душевной жизни, глубина его философскаго мышленія, ширь его взгляда, тонкость его историческаго пониманія—побудили многихъ естествоиспытателей, врачей и другихъ ученыхъ приняться за научную обработку его безсмертныхъ произведеній и разсѣянныхъ въ нихъ сокровищъ мысли. Естествоиспытателей изумляло тонкое знаніе природы, обнаруженное этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. *Harting* написалъ цѣлое сочиненіе о жизни птицъ, а *Patterson* о жизни насѣкомыхъ у Шекспира; *Beisly* и *Perger* писали о флорѣ въ драмахъ Шекспира; они нашли тамъ упомянутыми 126 видовъ растений, причемъ время цвѣтенія каждаго изъ нихъ всегда опредѣлено съ поразительной вѣрностью. Объ упоминательствѣ въ драмахъ Шекспира существуетъ цѣлая литература, и всѣ психіатры утверждаютъ, что Шекспиръ своимъ непосредственнымъ чутьемъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи открытія, до которыхъ наука

дошла только 200 лѣтъ спустя. Правда, мы не находимъ у Шекспира той цѣльной, законченной мировой системы, какую даетъ намъ *Данте*, этотъ творческій геній, который, черпая матеріалъ изъ философіи своего времени, создалъ гигантскій воображаемый міръ, производящій на насъ впечатлѣніе дѣйствительности. За то наоръ Шекспира свободнѣе, легче и дальше проникаетъ вселенную. У Данте насъ удерживаютъ рамки по шаблону построеннаго міра; въ твореніяхъ Шекспира мы чувствуемъ дыханіе безконечнаго. Данте замыкаетъ собой мировоззрѣніе, отошедшее для насъ въ прошлое. Шекспиръ является вѣстникомъ новаго времени, герольдомъ новой мировой идеи, познающей безконечность міровъ, проникнутой прелестью безконечнаго, живущаго, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ. Въ историческихъ драмахъ Шекспира таинственный геній всемірной исторіи приподнимаетъ густое покрывало съ своего лица, представляясь намъ то свѣтлымъ, подобно лучезарному Фебѣ, то мрачнымъ, подобно лику Медузы. Властный, увлекательный слогъ, гигантскій размахъ метафоръ и картинъ, величественный полетъ фантазіи, то поднимающейся съ земли на небо, то опускающейся съ неба на землю и проникающей въ безконечность временъ и пространствъ—ужь этотъ слогъ можетъ принадлежать только генію, обнимающему однимъ движеніемъ весь міръ.

Юристы до сихъ поръ занимались Шекспиромъ главнымъ образомъ съ формальной стороны. Они констатировали обиліе встрѣчающихся у него юридическихъ терминовъ и оборотовъ и изумлялись той точности, съ которой Шекспиръ пользовался современнымъ ему судебнымъ языкомъ, въ которомъ такъ трудно разобраться непосвященному. Изъ этого факта хотѣли вывести заключеніе, что Шекспиръ въ молодости служилъ въ

адвокатскомъ бюро или находился въ близкихъ сношеніяхъ съ адвокатами.

Но несравненно важнѣе представляется идейно-юридическое содержаніе произведеній Шекспира. Всемирно-историческія правовыя идеи проникають всё его драмы и придаютъ имъ грандіозный, возвышающій характеръ.

Съ этой точки зрѣнія произведенія великаго писателя рѣдко разсматривались, и только въ новѣйшее время были сдѣланы попытки извлечь изъ нихъ истины, имѣющія отношеніе къ исторіи развитія права.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ *Лерингомъ*, однимъ изъ знаменитѣйшихъ юристовъ нашего времени. Бросая вызовъ общепринятому мнѣнію, *Лерингъ* объявилъ въ своемъ «*Kampf ums Recht*», что Шейлоку, пераженіе котораго вызываетъ всегда у насъ одобреніе и чувство ликованія, въ сущности говоря, причинена тяжелая несправедливость.

Лерингъ говоритъ: «Поэтъ конечно воленъ создать свою собственную юриспруденцію, и мы не хотимъ сожалѣть, что Шекспиръ такъ поступилъ и передалъ старую фабулу, ничего не памятуя въ ней. Но если юристъ подвергнетъ эту юриспруденцію критикѣ, онъ долженъ будетъ сказать: условіе было само по себѣ недѣйствительно, такъ какъ содержаніе его безправденно; такъ долженъ былъ гласить приговоръ судьи. Но если «мудрый Даніилъ» призналъ вексель дѣйствительнымъ, то съ его стороны было жалкимъ крѣчкотворствомъ, постъ признанія за Шейлокомъ права вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса, запретить связанное съ этимъ пролитіе крови».

Эта мнимая несправедливость, исходящая отъ суда, слышащаго представителя чистаго закона, приводитъ въ волненіе юридическій темпераментъ *Леринга*, и, уязвленный въ своемъ увѣреніи въ справедливости, онъ восклицаетъ: «Мы имѣемъ тутъ

дѣло уже не съ жидомъ, требующимъ своего фунта мяса, а съ закономъ Венеціи; право Венеціи и право еврея въ данномъ случаѣ тождественны, и съ паденіемъ второго рушится и первое. И когда Шейлокъ, согбенный подъ тяжестью приговора, удаляется, преслѣдуемый жестокими насмѣшками, мы не можемъ отогнать отъ себя мысли, что пораженіе потерпѣлъ законъ Венеціи. Мы имѣемъ предъ собою не ростовщика Шейлока, а типичную фигуру средневѣковаго еврея, этого парію общества, тщетно вызывающаго къ закону. Драматичность его положенія основывается на томъ, что онъ питалъ твердое довѣріе къ закону, котораго ничѣмъ нельзя было поколебать и которое поддерживалось самимъ судьей,—какъ вдругъ, подобно удару грома, надъ нимъ разражается катастрофа, открывающая ему глаза и напоминающая ему, что онъ еврей, для котораго не существуетъ закона.»

Мнѣ съ своей стороны часто приходилось видѣть роль Шейлока въ исполненіи лучшихъ артистовъ, понимавшихъ самымъ противоположнымъ образомъ свою задачу. Въ исполненіи однихъ Шейлокъ—дикій звѣрь, жаждущій добычи, у другихъ онъ является терпѣливымъ страдальцемъ, чувствующимъ на своихъ плечахъ тяжесть мукъ, составляющихъ печальное наслѣдіе его племени, и старающимся воздать эти страданія съ лихвой, гдѣ онъ только въ состояніи. Одни особенно подчеркиваютъ его жадность и мстительность, другіе — непоколебимую твердость его воли и мужество, съ которыми онъ объявляетъ войну всему, что для общества свято, дорого и почитаемо, не смущаясь криками возмущенія, вызванными его жестокостью и мстительностью. Но я ни разу не почувствовалъ въ себѣ малѣйшаго движенія симпатіи или состраданія къ этому справедливо и основательно наказанному мошеннику. Я (несмотря на то, что я юристъ) внимаю всегда съ затаеннымъ дыха-

ніемъ мудрому Даніилу, и вздохъ облегченія вырывается изъ моей груди при произнесеніи приговора, которымъ разрѣзываются хитро сплетенныя сѣти, предназначенныя для погибели бѣднаго Антоніо. Я съ торжествомъ смотрю на обвинителя, который желалъ огрѣзнить святой храмъ суда грязью своей низкой души и который прогнанъ съ позоромъ. Страшное напряженіе, въ которомъ находится зритель, замѣняется освѣжающимъ чувствомъ искупленія и спасенія, и этимъ создается настроеніе для глубоко-поэтического пятого акта, этихъ чудныхъ сценъ страстной ласки и игривой веселости. Такъ, послѣ бурной грозы наша душа умиляется при видѣ прояснивагося мирнаго вечерняго неба.

Сцена суда въ «Венеціанскомъ купцѣ» не представляетъ юриспруденціи, созданной поэтомъ только для этого случая и служащей только художественнымъ требованіямъ драмы. Она представляетъ нѣчто гораздо большее, нѣчто болѣе значительное. Она представляетъ типическую картину развитія права всѣхъ временъ, она содержитъ квинтэссенцію права во всемъ его ростѣ, она заключаетъ въ себѣ больше юридической мудрости, чѣмъ десять учебниковъ пандектовъ, она проникаетъ въ исторію права глубже, чѣмъ всѣ научныя сочиненія отъ Савиньи до Іеринга.

Доказательству этого посвящается нижеслѣдующее изложеніе.

I

ВЕНЕЦІАНСКИЙ КУПЕЦЪ.

Драма долговаго права.

Геринг исходитъ изъ того, что юристъ долженъ былъ признать вексель недействительнымъ—это, вообще говоря, не-вѣрно: такое требованіе можно ставить юристу нашихъ дней, но не средневѣковому судѣ, по необходимости раздѣлявшему правовыя понятія своего времени. Въ исторіи права не только современныя, но и отжившія понятія имѣютъ свой *raison d'être*. По правовымъ понятіямъ того времени, къ которому относится драма, должникъ былъ отвѣтственъ предъ кредиторомъ не только своимъ имуществомъ, но и своимъ тѣломъ: *Qui non habet in aere, luat in cute*. Мы встречаемъ эти понятія почти у всѣхъ народовъ въ извѣстной стадіи историческаго развитія права. Эта стадія не особенно далека отъ нашего времени и относится къ сравнительно недавнему прошлому. Не особенно вѣдь давно отмѣнено право заключенія за долги, ставившее если не живнѣ, то свободу должника въ распоряженіе кредитора. Это право является смятченіемъ болѣе древнихъ законоположеній, по которымъ должникъ при неуплатѣ своего долга становился рабомъ заимодавца. Первоначально честь, свобода, тѣло и жизнь должника отдавались въ безконтрольную власть заимодавца. Лишь позже объективная государственная норма наказанія замѣняетъ собою жестокой произволъ кредитора: плѣнъ въ ру-